

Да восхваляю я Владыку премудрости...

(Ludlul bēl nēmeqī)

Вступление, перевод с аккадского и комментарии В.А. Якобсона

Предлагаемая работа представляет собой первый стихотворный перевод на русский язык вавилонской поэмы, которая в ассириологии называется «Безвинный страдалец», а в оригинале (на аккадском языке) — «Да восхваляю я Владыку премудрости...» (по первым словам). Поэма принадлежит к характерному для Древнего Ближнего Востока жанру теодицеи и поэтому представляет большой интерес с точки зрения истории религий. Она также является выдающимся произведением художественной литературы.

Ключевые слова: аккадская литература, вавилонская поэма, «Безвинный страдалец», Аруру, Мардук, Шамаш, Царпанит.

Наш текст является представителем обширного и богатого жанра месопотамской литературы, имеющего общее наименование «теодицея», хотя это название было придумано лишь в XVIII в. н.э. Появление этого жанра в странах Древнего Ближнего Востока знаменовало возникновение совершенно новых представлений о человеческой личности, о сущности вины и греха — представлений, породивших религиозные и философские учения «Осевого времени». Самой знаменитой и наиболее художественно совершенной из них является библейская Книга Иова, но она представляет собой завершение и венец всех древних теодицей. Необходимо знать и их предшественников. Дошедшие до нас клинописные таблички древней Месопотамии позволяют шаг за шагом проследить возникновение этого уникального жанра, отсутствующего в других древних культурах и цивилизациях. Только люди Древнего Ближнего Востока, где, как известно, возникли все монотеистические религии, осмелились задавать вопросы о том, почему, если Бог (боги) всеведущ(и), всемогущ(ы) и справедливы(ы), на свете существует зло, почему это возможно. Но и они сформулировали свои вопросы не сразу.

В Месопотамии наиболее ранними проявлениями теодицеи являются так называемые «письма к богам», возникшие еще в Старовавилонскую эпоху или даже раньше. Авторы этих писем жалуются богам на постигшие их, авторов, бедствия и заявляют, что им неизвестно, за какие провинности насланы эти беды. Смелость подобных заявлений невозможно переоценить, ведь до этого всегда считалось, что человек не может не грешить вольно или невольно, следовательно, он всегда заслуживает наказания, и именно поэтому человеческая жизнь — сплошная цепь горестей. Авторы писем, следовательно, высказывают не более и не менее как сомнение в справедливости миропорядка и самих богов. А через несколько веков появляются в Месопотамии уже и настоящие теодицеи — художественные произведения на эту тему, содержащие весьма вольнодумные мысли, хотя и с неперменным *happy end*’ом. Характерно, что повествование всегда ведется в этих произведениях от первого лица — от впервые осознавшей себя личности (Афанасьева, Дьяконов, с. 235–

© Якобсон В.А., 2009

241)¹. Очень интересна и уникальна в своем роде «антитеодицея», известная под названием «Диалог Господина с Рабом» (Афанасьева, Дьяконов, с. 208–212, перевод выполнен мною: по первой строке — «Раб, повинуйся мне...»). Этот текст очень логично приводит читателя к выводу, согласно которому все желания и действия, любые добрые и злые поступки одинаково бессмысленны. Поэтому он имеет еще одно название — «Диалог о пессимизме», хотя правильнее было бы считать автора этого текста (или Раба) предшественником античных философов-киников. Вот только до этих философов оставалось еще лет шестьсот... Публикуемый ниже текст — еще не настоящая теодицея, но ее непосредственный предшественник. Здесь еще не ставится вопрос о справедливости мироустройства и самих богов, но нарисованный здесь мир малосимпатичен.

Предлагаемый перевод вавилонской поэмы, которая в современной науке называется «Безвинный страдалец», а в древности называлась, как обычно, по ее первой строке, опирается на издание: *Lambert W.G. Babylonian Wisdom Literature. Oxf., 1960* (Lambert, p. 21–62, plates 1–13, 18) с учетом найденных позднее фрагментов, новейших прочтений и трактовок многих слов и оборотов, предлагаемых в CAD (*Chicago Assyrian Dictionary*) и в ANw. (*Akkadisches Handwörterbuch*)². Наш перевод является также стихотворным. Здесь предпринята попытка не только воспроизвести наиболее распространенную аккадскую просодию (Дьяконов, с. 138–143)³, но и передать конкретные особенности именно данного текста. Наконец, наш перевод — построчный и даже воспроизводящий оригинал по полустилишам, для чего понадобилось преодолевать значительные формальные трудности. Сделано все это, конечно, не из «филологического мазохизма», как называет подобные труды акад. Гаспаров, но ради того, чтобы как можно точнее воспроизвести структуру текста, благо русский язык предоставляет в этом деле очень большую свободу. Метрика аккадского стиха похожа на русский дольник или, скорее, на т.н. акцентный стих. Стих делится на два полустилишия, разделенных цезурой. Каждое полустилишие содержит два логических ударения (остальные — не в счет). Иногда в строке может быть всего одно такое полустилишие, иногда — три или четыре. Окончания строк почти всегда безударные. Очень редко встречается рифма. Можно было бы полагать, что в этом случае мы имеем дело со случайными совпадениями, но иной раз (как в этой поэме) о случайности не может быть и речи. Месопотамские писцы любили также всевозможные методы игры словами — синонимами и омонимами. По понятным причинам воспроизвести все это на другом языке очень трудно, а часто и невозможно. Как уже говорилось, дошедший до нас текст содержит много лакун. В переводе такие места (как принято в ассириологии) помечены точками, а иногда — словами, подобранными по смыслу и отмеченными курсивом.

И последнее. В тексте встречаются несколько имен собственных, одно из которых считают иногда именем Страдальца и чуть ли не самого автора. Однако состояние

¹ Русский перевод одной такой теодицеи («Вавилонская теодицея» в переводе И.С. Ключкова). Этот текст, как и Книга Иова, представляет собой диалог страдальца с другом, который пытается его утешить и уверяет, что боги милостивы, надо уповать на них. Теодицеи известны также из Египта и из Угарита.

² Дальнейшую библиографию, позволяющую восполнить ряд лакун см. в: Foster, p. 392–409. Эта библиография позволяет восполнить ряд лакун, хотя их еще остается много. Важнейшие работы: Vogelsang, 1979 (хотя предложенные автором перестановки частей Табл. IV не представляются убедительными, подождем новых находок) и Gronnenberg, p. 255–260 (о восполнении лакуны в начале Табл. I — гимн Мардуку).

³ Вопрос о просодии был решен И.М. Дьяконовым, когда он работал над переводом «Поэмы о Гильгамеше».

текста не позволяет делать какие-либо категорические утверждения. К тому же все эти имена — ученые, явно искусственные, нигде, кажется, они больше не обнаружены.

Текст «Страдальца» датируется концом Касситской эпохи (XIII–XII вв. до н.э.) — времени, когда были созданы все важнейшие произведения вавилонской литературы. До нас он дошел, как и почти все подобные тексты, сильно поврежденным (недостает не менее трети текста). К тому же нет твердой уверенности в том, что Таблица IV вообще принадлежит к данному произведению (но она безусловно принадлежит к тексту этого же самого жанра, по-видимому, весьма распространенного). Сохранившиеся части нашего текста тоже имеют в ряде мест значительные повреждения. Тем не менее общий смысл текста вполне ясен: человека (повествование ведется от первого лица) постигли многочисленные и страшные бедствия по неведомой ему самому причине и, по его мнению, им не заслуженные. Перечисляя все эти бедствия, он, однако, сохраняет твердую уверенность в конечной справедливости богов, и в финале эта уверенность вознаграждается.

В нашем переводе, как это принято в ассириологии, цезуры обозначаются увеличенными интервалами, лакуны, не поддающиеся восстановлению, — многоточиями в квадратных скобках, предлагаемые восстановления — курсивом, а слова, добавляемые для ясности, заключены в круглые скобки. Текст состоит из четырех более или менее поврежденных таблиц, но не исключено, что Таблица IV относится к другому произведению на ту же тему. Перевод, как уже сказано, почти во всех случаях — построчный.

Текст

Таблица I

1. Да восхваляю я Владыку премудрости, бога-заступника,
Грозного ночью, (но) днем спокойного,
Мардука, Владыку премудрости, бога-защитника,
Грозного ночью, (но) днем спокойного,
5. Кто, словно буря, облачен в ярость,
Чье, как утренний ветер, приятно дыханье.
Грозный гнев его потопу подобен,
Но милостива природа, отходчиво сердце.
Тяжесть рук его не выдержит небо,
10. Но нежные длани больного исцеляют.
Мардук! Тяжесть рук его не выдержит небо,
Но нежные длани больного исцеляют.
От гнева его разверзнутся могилы,
Но его милосердие поднимает мертвых.
15. Если в страхе разбегаются Шеду и Ламассу
Он воззрит на того, кто покинут своим богом, к нему обернется.
Ужасен его меч, он губит в сраженьи,
Но он сжалится вдруг, как родная мать, приласкает.
Оглянется [.....]
20. Как корова к теленку, явит жалость, глядит то и дело.
Его розги с шипами терзают тело,
Широки его пути, усмиряют и демона
Он прощает вину, ее уничтожает,

25. В день правоты его отпускаются грех и кривда,
Он тот, кто заставляет дрожать и содрогаться,
Но его заклинаньями изгоняются дрожь и трепет,
Кто насылает потоп от Адада, беду от Эрры,
Кто смягчает ярость бога и богини.
Владыка постигает богов сокровенные мысли,
30. Но никто не постигнет его деянья.
Мардук постигает богов сокровенные мысли,
Но никто не постигнет его деянья.
Сколь тяжка его длань, столь сострадательно сердце,
Сколь смертоносно его оружие, столь животворно его прикосновенье,
35. Не соизволит он — кто отвратит его кару?
Против воли его какой грешник спасется?
Я славлю его гнев, *что разит, как секира* из меди,
Он поразил меня вдруг, но вернул меня к жизни.
Я людей научу *на своем примере*,
40. Помнить о нем надлежит *постоянно*.
Когда владыка [.....] день [.....],
И воитель-Мардук *на меня прогневился*,
Мой бог меня бросил, ушел безвозвратно,
Безучастна богиня, удалилась *навек*,
45. Ушел добрый демон, что был со мною,
Дух-защитник испуган, ищет другого,
Пропала моя сила, мужество увяло,
Достоинство сгинуло, защита исчезла,
Меня окружают *недобрые приметы*,
50. Из дома я изгнан, брожу без приюта.
Смутны внутренности жертв, воспалены повсеместно,
Прозорливец и сновидец понять не могут,
Случайные речи беду сулят мне,
Прилягу ли ночью — мои сны ужасны.
55. Царь, плоть богов, людей своих солнце, —
Его сердце гневно, никак не задобрить.
Придворные в сговоре, мне строят козни,
Собираются вместе, говорят злое.
Первый молвит так: «Его душу исторгну!»,
60. А второй: «Лишу я его кредита!»,
Третий говорит: «А я его присвою!»,
«Я вселюсь в его дом!» — говорит четвертый,
Пятый: «Гортань я ему закрою!»,
Шестой и седьмой *доброе гения прогонят...*
65. Объединились, семь сил собрали,
Сегодня безжалостны, и завтра все так же,
Едина их плоть, и слово едино,
На меня ярятся, огнем польхают,
Напраслину, ложь на меня возводят.
70. Мои гордые уста как уздой стянули,
Моя бойкая речь немотой обернулась,
Мой зычный голос *принужден* к молчанию,
Голова, что держал я высоко, к земле пригнулась,

- Могучее сердце обессилил ужас.
 75. Мою мощную грудь вспять обращает мальчишка,
 Могучие руки паралич обессилил,
 Я, ходивший с достоинством, научился красться,
 Я, кто был вельможей, рабу уподоблен.
 Для многих близких я стал изгоем,
 80. По улице бреду — все указывают пальцем,
 Во дворец вхожу — все глаза отводят.
 Община как враг на меня взирает,
 Воистину злобна страна и враждебна,
 И в чужака мой брат превратился,
 85. Недругом, злым демоном сделался приятель,
 В ярости товарищ меня обличает,
 Даже сородичи оружие точат,
 Лучшие друзья мне жизнь сокращают,
 Открыто, при людях меня проклял раб мой.
 90. Мой дом *в раздоре*, мои люди меня поносят,
 Увидал меня знакомец — обошел стороною,
 Сочло чужим меня мое семейство.
 Похвалившего меня беда ожидает,
 Бранящий меня продвигается по службе.
 95. Моему клеветнику сам бог союзник,
 К пожалевшему меня смерть поспешает,
 Кто злословит меня, у того защита,
 Не имею союзника, спасителя не вижу,
 Чужакам и бродягам добро мое досталось.
 100. *Мои каналы забиты* илом,
 С полей моих клич пахаря изгнан,
 Как вражеский город, мой город заглушили,
 Мои обряды отданы другому,
 К моим ритуалам посторонний приставлен.
 105. День — воздыхания, ночь — скорби,
 Месяц — плачи, год — печали,
 Словно горлица стенаю я повседневно,
 Вместо песни вопли я испускаю,
Постоянным плачем глаза мои затмились,
 110. *Потоком слез* сожжены мои скулы,
 От предчувствий сердца лицо мрачнеет,
 Желтеет оно от страха и смятенья,
 Сотрясает сердце неотступный ужас,
 [...] словно жгучее пламя,
 115. Словно пламенем, я окружен ложью,
 [...] жалобы, мои просьбы.
 Речи уст моих — словно лепет безумца:
 Говорить пытаюсь, но слова невнятны.
 Жду я дня, когда посетит меня милость
 120. Станет полной луна, засияет солнце.

Таблица II

1. Я лишь начал жить, а срок мой подходит,
Погляжу вокруг — беда да и только,
Растет мое злосчастье, а спасенья не видно.
Возвал я к богу — свой лик не явил он,
5. Взмолился к богине — не подняла взгляда,
Гадатель в гадании не нашел объяснений,
Воскуреньем сновидец не проник в мою участь,
К прорицателю прибег я, он не дал пониманья
Заклинатель обрядом не отвел гнев бога.
10. Что за странные вещи в стране творятся,
Погляжу ли назад — по пятам несчастье!
Словно тот, кто возлияний не свершал богу
И во время трапезы не призвал богиню,
Кто не падал ниц, не множил поклоны,
15. Чьи уста не знали молитвы и просьбы,
Кто дни бога не чтит и к праздникам небрежен,
Кто стал нерадив и обряды забросил,
Почитанью и страху не учил своих присных,
Не призвавши бога, вкушал свою пищу,
20. Забыл свою богиню, елей не возлил ей,
Словно впавший в буйство и забывший владыку,
И именем бога поклявшийся всеу — вот таким я стал!
Но ведь был я усерден в молитвах и просьбах,
Мне молитва — потребность, жертва — привычка,
25. Почитание бога — радость сердца,
Процессия богини — доход и прибыль,
Молитва за царя — для меня радость,
Звучание ее для меня благотворно.
Наставлял я страну чтить богов законы,
30. Чтить богини имя побуждал домочадцев,
Величанье царю воздавал как богу
И слушаться властей народ учил я.
Знать бы мне, что богу все это угодно!
Что тебе хорошо — оскорбленье для бога,
35. Что тебе противно — богу приятно.
Кто волю богов небесных знает?
Кто поймет повеленье богов Преисподней?
Как же узнать пути бога смертным?
Кто гордился силой — умер в темнице.
40. То страшится человек, то вдруг ликует,
В одно мгновение поет от восторга,
В другое мгновение как плакальщик рыдает.
Во мгновение ока их нрав переменчив...
Голодные, они подобны трупам,
45. Насытившись же, равняются с богами,
В довольстве готовы залезть на небо,

- В беде же говорят, что в Преисподнюю уходят...
 Я запутался в этом, не постигну смысла,
 И меня, усталого, уносит буря.
50. Злая хворь на меня напала,
 Ураган от края земли задувает,
 Из глубин Преисподней встала Боль головная,
 Изнуряющая Болезнь востала из Бездны,
 Призрак несмиряемый покинул Царство мертвых,
55. Ламашту спустилась из ущелий горных,
 Из вод Потопа поднялась Лихорадка,
 С травой земною пророс Чирей.
 Их страшное войско разом напало,
Стиснули голову, сдавили череп,
60. Лицо омрачилось, глаза слезятся.
 Повредили мне шею, лишили ее силы,
 В грудь ударили, сосков лишили,
 Плоть мою схватили, наслали припадки,
 В моем пищевode разожгли изжогу,
65. Утробу возмутили, *покалечили* пальцы,
 Вызвали мокроту, возбудили лихорадку,
 Воспалили члены, вспучили живот мой,
 Возвышенный облик сломали будто стену,
 Могучее тело как тростник повергли,
70. Как сухой инжир брошен, ничком валяюсь.
 Алу мою плоть надел как платье,
 Словно бы сетью я сонливостью схвачен,
 Смотрят, но не видят мои очи,
 Открыты, но не слышат мои уши,
75. Всю мою плоть объяла слабость,
 Судорога напала на мои члены,
 Паралич завладел моими руками,
 Бессилие нашло на мои колени,
 Позабыли движение мои стопы,
80. [...] постиг запором внезапным,
 [...] смерть, закрыла лицо мне.
 Обратился ко мне — толкователю снов не ответил,
Домочаdцы заплакали — себя я не помнил,
 В мои уста словно кляп засунут,
85. И закрыты засовом мои губы,
 Утроба заперта, заткнут источник.
 Длится мой голод, замкнута глотка,
 Хлеба дают мне — жую как колючку,
 Пиво, жизнь людей, для меня — горечь,
90. Без конца страдание длится,
 Без еды изменился мой облик,
 Ослабела плоть, и кровь иссякла,
 Рассыпается скелет, одетый (лишь) кожей,
 Воспалились суставы, возникла желтуха.
95. Слег на ложе скорби, шевельнуться больно,

- В темницу для меня мой дом превратился,
Сковано тело, упали руки,
Сам себя я связал (?), онемели ноги.
Мои муки ужасны, тяжки удары.
100. Плеть с шипами меня истязает.
Стрела меня пронзает, рана жестока.
День напролет мучитель терзает,
Даже и ночью не дает передышки
Из-за непокоя ослабли связки.
105. Вывихнуты суставы, конечности недвижны,
В навозе своем как бык я валяюсь,
Испачкан я, как баран, своим же пометом.
Моей немочью напуган жрец-заклинатель
И хвори мои ясновидца утомили.
110. Не понял целитель суть моей болезни,
И срок моей беде не назначил ясновидец.
Не пришел бог на помощь, не взял мою руку,
Не сжалилась богиня, рядом не встала,
Вырыта могила, готов мой саван,
115. Я еще живу, но уже оплакан,
Вся моя страна «Как злосчастен он» молвит,
Услыхал завистник — лицо озарилось,
Слух дошел до врагини — ее утроба взыграла,
Но я верю в день, когда всех моих присных,
120. Тех, кто разумен, помилует их Солнце.

Таблица III

1. Тяжка его рука, непосильна мне ноша,
Ужасно сиянье, [.....]
Гнев его грозен, потопу *подобен*,
[.....] его поступь, [.....],
5. [.....] злая хворь меня не *отпускает*,
Бессонницу усилила, сон возмутила,
Днем и ночью — всегда я стенаю,
Во сне ли, спросонок — равно измучен.
Муж великолепный, огромный ростом
10. Мощный станом, в новых одеждах,
(Но в полусне неясно я видел),
Одетый сияньем, облаченный в ужас,
Приблизился он и встал надо мною.
От страха тогда ослабли мои члены.
15. «[.....] владычица *меня послала*
[.....]
[.....] я сказать попытался [.....]
[.....] так послал [.....]
Они молчали и не [.....]
20. Они слышали меня [.....]
Во второй раз *сон я увидел*,

- И в этом сне, что увидел я *ночью*,
 Муж великолепный [.....],
 Тамариск очистительный держащий в *ладони*.
25. «Лалуралимма, в Ниппуре живущий,
 Для твоего очищения меня отправил».
 Воду принесенную на меня *излил* он,
 Произнес животворную молитву, *растер мое тело*.
 В третий раз сон я увидел,
30. И в этом сне, что увидел я *ночью*,
 Женщина, прекрасная ликом,
 Царица по одежде, но божеству подобна — *среди людей царица* —
 Вошла и при[села].
 Провозгласила пощаду [.....]
35. «Не бойся — сказала — я [.....]
 Какой бы сон ни увидел [.....]».
 Изрекла пощаду несчастному тому,
 Какой бы *ночью* кто бы сон ни увидел.
 Во сне Ур-Ниндинугга [.....],
40. Муж бородатый, увенчанный тиарой,
 Жрец-заклинатель, держащий табличку:
 «Мардук послал меня,
 Шубши-мешре-Шаккану я принес исцеленье,
 Из рук его чистых я принес исцеленье».
45. Моему исцелителю меня препоручил он,
 Ранним утром прислал посланье,
 Благие знамения послал моим людям.
 Болезнь моя *уползла змеею*,
 Страданье тотчас прошло, *разбиты оковы*.
50. Когда моего владыки сердце смягчилось,
 Когда милосердного Мардука *печень утихла*,
 Мольбы мои он принял [.....],
 Его взгляд *благой* [.....],
 Он изрек: «*Пощада тебе, страдальцу!*».
55. [.....] для величания [.....]
 [.....] для восхваления [.....]
 [.....] мои грехи [.....]
 [.....] мои проступки [.....]
 [.....] провинности мои [.....]
60. Скверны мои он развеял по ветру.
 (Реверс)
 1–3 (*разрушено*)
 Он принес заклинанье, что связывает [.....],
 Отправил злой ветер за край неба,
5. В глубину Преисподней — *боль головную*,
 Отослал в его Бездну Демона смерти,
 Неодолимого Утукку *вернул* в Царство мертвых,
 Ниспроверг Ламашту, *прогнал* ее в горы,
 В морские воды *возвратил* Лихорадку,
10. Корень Бессилия как траву *вырвал*,

- Скверный Сон, лишающий покоя,
 Словно дым разогнал, наполняющий небо,
 «Ах» и «Увы», досаждающие людям, развеял как облако, [.....].
 Постоянную Мигрень [.....],
15. Развеял как ночную росу, мне чуждой сделал,
 Помутившиеся очи мои, открытые пеленой смерти,
 Сделал видящими далеко, сделал взор мой светлым.
 Мои уши неслышащие, закрытые, как у глухого, —
 Их воск он убрал и слух открыл мне.
20. Нос, у которого из-за простуды закрылось дыханье,
 От болезни излечил, дышу я свободно.
 Воспалившиеся губы, как пиявки *набухшие*, —
 Нестрашными сделал, опухоль снял с них.
 Уста прегражденные, говорившие трудно,
25. Очистил как сосуд, убрал загрязненье,
 Стиснутые зубы, что не размыкались, —
 Он освободил, *укрепил* их основу,
 Язык, что был связан, беседовать бессилён, —
 Он стер с него налет, моя речь стала ясной.
30. Гортань, что напряглась, закрылась как комом, —
 Он улучшил ей пеньё, уподобил (?) свирели.
 Пищеводу отекшему, не вбиравшему пищу,
 Он уменьшил отек, открыл преграду.

(Далее текст сильно поврежден и связному переводу не поддается.)

Строки, сохранившиеся в комментарии (их место в тексте неясно):

- a. Кишки, что от голода сплелись как корзина,
 b. Получили пищу, обрели напиток,
 c. Мою шею, что ослабла и голову не держала,
 d. Укрепил он как гору, как дерево возвысил,
 e. Моши самой мою плоть уподобил.
 f. Как (? — *перевести не удастся*) скребут мои ногти,
 g. Он убрал их усталость, их [.....] улучшил.
 h. Мои колени, что связаны, как *птицу* он [.....].
 i. Рост моего тела он [.....].
 j. Очистил от сыпи, от грязи избавил.
 k. Мой лик омраченный вновь озарился.
 l. На бреге Реки, где судятся люди,
 m. Мой лоб обрит, удален знак рабства.
 n. [.....] милость.
 o. По улице Кунуш-кадру очищенным шел я.
 p. Кто грешил против Эсагилы, мой пример да помнит!
 q. Пасть льва, меня терзавшего, взнуздal Мардук.
 r. Мардук у преследующего меня отнял его пращу, отвратил его камень.
- (Далее — несколько разрушенных строк.)

Таблица IV

1. Мой владыка меня [.....]ил,

- Мой владыка меня подхватил,
 Мой владыка меня укрепил,
 Мой владыка меня оживил,
 5. Из ловушки он меня отпустил,
 От гибели меня охранил,
 [...] из-за Хубура меня возвратил,
 [...] мою руку взял
 Тот, кто меня поразил.
 10. Мардук вознес мою главу,
 Поразил руку поражающего меня,
 Заставил пасть оружие его Мардук.

(Далее три строки неразборчивы, а затем — большая лакуна. Возможно, что именно сюда или к лакуне между строками 48–76 относятся строки l–r из цитированного выше Комментария.)

25. [...] зерно золотое [...],
 Я умастил благовонным кипарисом, на нем [...].
 Пир Вавилонян [...].
 Могилу эту я устроил, во время пира [...].
 Узрели вавилоняне, как оживляет Мардук, —
 30. Все края превознесли его имя:
 «Кто же сказал бы, что свое солнце он увидит?
 В ком помысел был, что по улицам пройдет он?
 Кто, как не Мардук, его смерть сделал жизнью?
 Кроме Царпанит какая богиня ему жизнь дарует?»
 35. Мардук из могилы живым поднимает,
 Царпанит из беды как выручить, знает.
 С тех пор, как стоит Земля и Небо простерто,
 Сияет Солнце, и Пламя пылает,
 Вода течет, и бушует Ветер,
 40. Те, чью глину Аруру отщипнула перстами,
 Наделенные жизнью, ходящие прямо,
 Бесчисленные люди, сколько есть их, Мардука славят».
 [...], который промолвил:
 [...] всех людей да ведет он
 45. [...] пастырь всех обиталищ.
 [...] потоки из глуби,
 [...] боги [...]
 [...] всей земли и неба».

(Далее большая лакуна.)

76. [...] что в моих молитвах [...]
 Падением ниц и молитвой в Эсагиле [...].
 Я, кто к могиле шел, возвратился к Вратам Восхода.
 Во Вратах Изобилья мне дано изобилье,
 80. Во Вратах Ламассу Ламассу мне явился,
 Во Вратах Благополучия я обрел благополучие,
 Во Вратах Жизни наделен я жизнью,
 Во Вратах Восхода я причислен к живущим,

85. Во Вратах Светлой Радости прояснились знаменья,
 Во Вратах Отпущения Греха вина мне простилась,
 Во вратах Почитанья уста мои открылись,
 Во Вратах Избавленья от Вздохов ушло страданье,
 Во Вратах Чистой Воды окроплен я водой очищенья,
 Во Вратах Благополучья с Мардуком повстречался,
90. Во Вратах Великолепия у Царпанит целовал я стопы.
 В молитвах словесных и мысленных я к ним обращался,
 Воскурение благовонное перед ними поставил,
 Принес приношенья, дары, богатые жертвы,
 Зарезал жирных быков, заколол баранов (?),
95. Возливал сладкое пиво, чистые вина.
 Шеду и Ламассу, Кирпичи Эсагилы —
Своим возлияньем я обрадовал их сердце,
 Яствами обильными взвеселил их утробу,
 Косяк и засов, запоры дверные
100. [...] чистое, коровье масло, зерно в изобилии
 [...] ритуалы (?) храма.

Комментарий

Табл. I

15. Шеду и Ламассу — божества-хранители. Их изображения (в виде крылатых быков) стояли при входах в храмы и во дворцы, дабы отгонять злые силы.

19–20. Изображение коровы, оглядывающейся на своего теленка, — символ материнства, часто встречающийся в искусстве древней Месопотамии.

О личности Страдальца сказать ничего определенного нельзя. Скорее всего, это некий обобщающий образ, ибо перечисляемые здесь несчастья столь многочисленны и разнообразны, что не могут постигнуть одного реального человека.

43–49: От Страдальца отвернулись его личные боги-покровители, вследствие чего он лишен защиты, ослабел и окружен недобрыми предзнаменованиями.

50–54: Он изгнан из дома, а попытки разгадать суть бедствий традиционными способами (с помощью всех известных тогда способов дивинации) безрезультатны.

55 слл.: На него разгневался царь и ополчились придворные, строящие всевозможные козни. Намерение «лишить его кредита» как бы выдает в нем негоцианта. Затем от него отворачиваются и все люди вообще, включая родичей, друзей и даже рабов. Все наперебой стараются причинить ему зло.

65: Семеро придворных, недругов Страдальца, как бы символизируют Сибитти — Семерку злобных демонов, спутников ужасного Эрры, бога войны, чумы и вообще всяческих бедствий⁴.

100 слл.: Он — землевладелец, но и тут его преследует неудача.

103–104: Он — жрец или, по крайней мере, обладатель части жреческих функций (что типично для горожан Вавилонии), но эту «пребенду» у него отнимают.

105 слл.: От всего этого Страдалец впадает в меланхолию.

Табл. II

1–9: Горестные размышления Страдальца о несправедливости мира и о непостижимости воли богов вместе с категорическими утверждениями, что он всегда вел

⁴ См. о нем в Поэме об Эрре «Царь всех обиталищ...» // Афанасьева, Дьяконов, с. 78–121 — «Царь всех обиталищ...», перевод мой.

себя так, как подобает порядочному человеку.

49: Эта строка поразительно напоминает начало знаменитого 66-го Сонета Шекспира: *Tired with all these for restful death I cry.*

50 слл.: Перечисляются всевозможные болезни и их демонические персонификации, напавшие на Страдальца, — своего рода медицинский справочник. Интересно, что описываемые здесь страдания — исключительно физические, об упомощательстве нет и речи. Описывается торжество врагов и завистников. Выражается твердая надежда на милость Солнца, т.е. бога Шамаша, который является также и богом справедливости и правосудия.

Табл. III

1: Ср. I Sam, 5, 11. В нашем тексте речь, разумеется, идет о Мардуке.

9 слл.: Наконец, приходит помощь — сначала в виде благих снов. Здесь упоминаются несколько имен, и Лэмберт полагает, что одно из них и есть имя Страдальца. Это, однако, ни из чего не следует. Все упоминаемые здесь имена — ученые, искусственные. Перед нами — некая словесная игра, одно из любимых занятий высокообразованных вавилонских писцов.

50 слл.: Прямое вмешательство Мардука изгоняет персонифицированные беды и болезни в их мрачные обиталища и приносит исцеление.

Л слл.: Испытание Рекой (суд божий, водная ордалия) — обычный способ доказательства невиновности при отсутствии других доказательств. Возможно, на берегу, в присутствии суда осуществлялась также символическая процедура освобождения раба — снятие рабского знака в виде особой стрижки, упоминаемое в Законах Хаммурапи. О порядке осуществления этой процедуры из других источников ничего не известно. В тексте (по крайней мере, в его сохранившихся частях) нигде не говорится о том, что Страдалец действительно попал в рабство.

Табл. IV

Как уже сказано выше, принадлежность этого текста к данному сочинению не может считаться доказанной. Хотя он логически завершает повествование, но отличается от предыдущих таблиц в формальном отношении, а его образная система включает более сложную символику. Возможно, это более поздняя добавка, сделанная другим автором. Общая тональность этого текста поразительно напоминает библейскую.

1–9: Оригинал содержит примитивную (но одну из древнейших в мире!) рифмовку, основанную, как и в предлагаемом переводе, на использовании одинаковой глагольной формы и изредка встречающуюся также и в других вавилонских стихах (такие же рифмы применялись в средневековых католических молитвах на латинском языке). В строке 8 рифма отсутствует также и в оригинале.

7: Хубур — река, за которую уходят умершие.

45: Ср. первую строку «Поэмы об Эрре»: «Царь всех обиталищ...».

96: Шеду и Ламассу — см. комментарий к Табл. I, 15. Кирпичи Эсагилы (храма Мардука в Вавилоне) почитались как младшие божества (в этом качестве они упоминаются в Эпизоде Законов Хаммурапи).

101: Строка несколько загадочна, непонятно, как следует переводить ее предпоследнее слово. Шумерское ME (garza) является предметом ожесточенных дискуссий. Переводчик надеется, если великим богам будет угодно, посвятить ему отдельную работу.

Список литературы

- Афанасьева В.К., Дьяконов И.М.* (сост.). Я открою тебе сокровенное слово. Литература Вавилонии и Ассирии. М.: Художественная литература, 1981.
- Дьяконов И.М.* Эпос о Гильгамеше (О все видавшем). М.: АН СССР, 1964 (Литературные памятники).
- Якобсон В.А.* Коренные перемены в мировоззрении. Осевое время // История Востока. Т. 1. Восток в древности. М.: Вост. лит., 1997. С. 578–587.
- Якобсон В.А.* Предисловие // История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М.: Вост. лит., 1994. С. 34–56.
- Foster B.N.* Before the Muses. An Anthology of Akkadian Literature. Bethesda, Maryland, 2003.
- Gronnenberg B.* Рец. на Sasson J.M. (Ed.). Studies in Literature of the Ancient Near East Dedicated to Samuel Noah Kramer // American Oriental Society 65. P. 255–260.
- Lambert W.G.* Babylonian Wisdom Literature. Oxf.: Clarendon Press, 1960.
- Vogelsang M.* The Reconstruction of Ludlul IV // Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale. 1979, vol. 73. P. 180.

Summary

V.A. Jakobson

The Virtuous Sufferer

This is the Assyriological title of the translated Babylonian poem whose original name is *Ludlul bēl nēmeqi* (Let me praise the Lord of Wisdom). The poem belongs to the specifically Near Eastern genre of theodicy and is, therefore, an important document concerning the history of religion. This is the first complete and commented metrical translation of this text into Russian.